

церковнымъ памятникамъ и т. п.; напротивъ, былинная поэзія, въ которой полагается высшее произведеніе народнаго творчества, и даже важное исторически свидѣтельство, не пользуется сочувствіемъ Болтина ни съ исторической, ни съ той стороны. Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра и проч., по мнѣнію Болтина, — пѣсни подлыя, безъ всякаго склада и ладу. «Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ, и можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормились, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни; подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого-жъ точно рода какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ»¹⁾.

Замѣчаніе Болтина о происхожденіи былинъ не такъ поверхностно, какъ можетъ казаться нѣкоторымъ любителямъ былинной поэзіи. По всей вѣроятности во времена Болтина былина не имѣла уже, какъ и теперь, общаго распространенія въ народѣ, или бывала, какъ теперь, извѣстна только въ видѣ отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, гдѣ Илья Муромецъ, національный герой, шелъ рядомъ съ Бовой-Королевичемъ и Ерусланомъ: Болтину могло казаться, что изображеніе былиннаго богатыря есть не общенародное созданіе, а фантазія одного разряда народныхъ пѣвцовъ и сказочниковъ, какъ духовные стихи были дѣломъ своихъ особыхъ специалистовъ. Исслѣдователямъ новѣйшимъ также приходитъ мысль о частномъ сословномъ происхожденіи быliny. Наконецъ, Болтину не безъ основанія могла не нравиться новѣйшая форма былинныхъ сказаній, гдѣ старыя черты эпоса подпали позднѣйшему огрубѣнію народной фантазіи самаго выраженія.

Общее значеніе Болтина наиболѣе отчетливо опредѣлено въ характеристикѣ Соловьева. Болтинъ былъ свидѣтелемъ переменъ, которая произошла со второй половины прошлаго вѣка во взглядахъ общества на науку и просвѣщеніе. Въ началѣ вѣка, въ эпоху преобразованія, на науку смотрѣли преимущественно съ точки зрѣнія практической пользы; теперь обратили вниманіе на вопросъ о воспитаніи. Моралисты временъ Екатерины II по-

¹⁾ Примѣч. на исторію Лекерка, II, стр. 60. Замѣтимъ кстати, что простой, безграмотный народъ, авторъ народной нашей поэзіи, и у самого Болтина являлся въ видѣ весьма презираемой имъ «черни».